

ненавистничества, и со всей убедительностью показал, что фашизм у власти – это война, это уничтожение миллионов людей.

Выступая на праздновании 60-летия Победы в войне, А.Г. Лукашенко подчеркнул, что победа над фашизмом это была духовная победа – добра над злом, жизни над смертью, человечности над зверством. «Мы не имеем права забывать уроки истории, которую кое-кто пытается сейчас перекроить под себя. В ход пускаются откровенные домыслы и ложь. Великая Отечественная война научила нас беречь хрупкий мир, бороться за него, противостоять тем, кто несёт ему угрозу».

Наш святой долг уважать выстоявших в ту страшную войну и помнить о тех, кто не дожил до Дня Победы.

1. Ботвинник, М.Б. Памятники геноцида евреев Беларуси / М.Б. Ботвинник. – Минск: Беларуская навука, 2000 – 324 с.
2. Выстояли и победили: свидетельствуют архивы: Сборник, посвящённый 60-летию Победы в Великой Отечественной войне (1941-1945). – Витебск, 2005. – 90 с.
3. История Холокоста на территории Беларуси. Библиографический указатель / Сост. И. П. Герасимова, С. М. Паперная. – Витебск, 2001. – 240с.
4. Памяць: Віцебск: у 2-х кн. Кн.1, Мінск: БелЭн, 2002 – 530 с.

Гребень Е.А., Олехнович Д.А.

БЕЛАРУСЬ–ЛАТГАЛИЯ: ХОЛОКОСТ ПО ОБЕ СТОРОНЫ ГРАНИЦЫ

История Восточной и Центральной Европы 20 века привлекает внимание как профессиональных историков, так и журналистов, и политиков, тем самым являясь одним из наиболее действенных способов манипуляции массовым сознанием. Наиболее неоднозначно оцениваемым в Латвии, и вызывающий дискуссии в Беларуси, являлся период нацистской оккупации, вызвавший коренные преобразования в экономико-политической и этносоциальной структуре общества. Вторая мировая война показала не явила не только примеры геройства и самоотверженности, но и человеческой низости и предательства, наглядным примером чему является творчество выдающегося белорусского писателя В. Быкова, показавшего *окопную правду войны*. Парадоксом войны можно считать и то, что оккупированная нацистами Латвия и Беларусь стали частью одного территориально-административного объединения–Остланда. Судьбы народов снова причудливым образом переплелись, показывая схожесть исторических судеб.

Именно территория Восточной Европы стала своеобразным полигоном в *окончательном решении еврейского вопроса*, что являлось краеугольным камнем в политике Третьего Рейха. Холокост (Шоа, Катастрофа)–пример беспримерного преступления против человечности, стал

ключевым моментом не только в истории евреев оккупированной нацистами Беларуси, но и Латвии.

История евреев Латвии и Беларуси во многом схожая, тем более, что пограничные контакты являлись логической составляющей повседневной жизни жителей Восточной Латвии (Латгалии) и северо-запада Беларуси, тем более, что Латгалия с 1802 г. до 1917 г. (*de facto*) входила в состав Витебской губернии. В связи с этим, вполне объяснимо отношение жителей приграничных территорий к государственной границе, как к чему-то иррациональному и чуждому [1].

С началом агрессии Третьего Рейха против Советского союза территория Латгалии оказалась на передовой военных действий и благодаря операции проведенной полком Брандербург 800, уже в конце июня 1941 г. большая часть Восточной Латвии была занята войсками вермахта [2, с. 26–28.].

Данная ситуация вызвала панику в еврейской среде, но из-за парадоксального поведения (правильнее сказать – неорганизованного бегства) представителей советской власти, подавляющее большинство евреев не смогла эвакуироваться. Большая часть из них, не менее 12000 чел., погибла в Даугавпилском гетто. При создании гетто нацисты использовали ранее апробированные методы дезинформации еврейского населения, в результате чего лишь очень незначительная часть смогла спастись [3]. В качестве одной из форм спасения от потенциальной смерти, стало, распространяемая по средствам *сарафанного радио* информация о том, что в Браславе евреи могут спастись. Исторических источников, по вполне понятным причинам не сохранилось, однако, авторам удалось фрагментарно восстановить благодаря сохранившемуся в Латвийском государственном историческом архиве [4] и, несмотря на политическую ангажированность источника, при должной степени критики можно реконструировать события августа 1941 г., когда при поддержке нееврейского населения появилась возможность избежать заключения в гетто: ... *Не многие латыши были согласны с первого дня участвовать в (сотрудничестве с немцами), однако в последствии их стало больше. Ей (С. Фридманис, или–Фридман) в самом начале оккупации один латыш, сосед предложил сделать документы и статью “латышкой”* [4, л. 1]. При этом Браслав воспринимался как территория Польши, в состав которого город входил до конца 1939 г., и многие верили, что еврейской общине Браслава удалось откупиться от оккупантов, выплатив 6000000 руб. золотом [4, л. 2]. Отметим, что данная сумма является фантастической, и думается, что для нееврейского населения данная информация являлась еще одной из основ культивирования мифа об огромном богатстве евреев. Всего из Даугавпилса и его окрестностей в Браслав удалось попасть около сорока человек. Всех их постигла печальная судьба еврейского населения Браслава, где тотальное уничтожение евреев началось только в начале июня 1942 г., однако С. Фридман удалось вновь пересечь границу и най-

ти прибежище в местечке Индра, где благодаря поддержке местных крестьян ей удалось прожить до февраля 1943 г., после чего влиться в партизанский отряд, деятельность которых на территории Латвии только набирала силу [4, л. 6–8].

Надежды латвийских евреев относительно возможности спасти свою жизнь на территории Беларуси оказались иллюзорными. И здесь уже в дни оккупации нацисты приступили к решению «еврейского вопроса».

На территории Браславского района до 1942 г. имелось значительное еврейское население, на которое немецкая и вспомогательная администрация обращала пристальное внимание. На второй день оккупации Браслава немцы собрали всех евреев и согнали в болото, на утро им разрешили вернуться в город, однако за это время еврейские дома были разграблены немцами. В населенных пунктах с крупными еврейскими общинами (Браслав, Ёды, Опса, Друя, Видзы) были созданы еврейские советы (юденраты).

С первых же дней начались расстрелы небольших групп и отдельных евреев, причем хоронили покойников вне еврейского кладбища. Впоследствии жены казненных апеллировали к начальнику Браславского района, просили разрешение на перезахоронение покойников на еврейском кладбище согласно еврейским обычаям. На подобном прошении трех еврейских женщин местечка Друя содержится резолюция «перенесены» [5, л. 7].

В марте 1942 г. евреи Браслава были переселены в гетто. 3.07.1942 г. произошел массовый погром и расстрелы узников Браславского гетто, в котором участвовали немцы и местная полиция, использовались машины-«душегубки». Вскоре в Браславе было создано второе, т.н. Опсовское гетто, в котором в основном были евреи из местечка Опса. 19.03.1943 г. оно было ликвидировано, как и гетто в других местечках [6, с. 381–385].

Был организован учет евреев, отдельно учитывались евреи, прибывшие на территорию района после начала войны, взрослые и дети, специалисты. Статистические сведения составлялись в разрезе волостей и крупных населенных пунктов (г. Браслав и местечки). К 1942 г. по неполным данным на территории г. Браслав и Браславского района было зарегистрировано 2666 евреев [7, л. 1–40], часть из которых были беженцы из Латвии.

По требованию немецкой администрации волостные управы подавали сведения о смешанных браках, в которых состояли евреи. В некоторых волостях таковые имели место, волостная управа сообщала сведения о супругах обоих национальностей, добавляя свои комментарии, например, «не вернулся с польско-германской войны», констатировали, что все евреи, вступившие в браки с белорусами или поляками, приняли христианство. В одном случае было особо подчеркнуто, что

крещение было принято 40 лет назад, и в данный момент человек с евреями ничего общего не имеет. Очевидно, что местные жители и администрация воспринимала их как своих, и не демонстрировали по отношению к ним антисемитизма, а иногда пытались защитить. К сожалению, документы не позволяют проследить дальнейшую судьбу этих людей, как их расценивала немецкая администрация [8, л. 17–23].

Постановлением Браславской районной управы от 25.08.1941 г. на еврейское население района, проживавшее в 28 общинах (6066 чел.), была наложена контрибуция в размере 600 тыс. руб., т.е. по 100 руб. на каждого еврея [9, л. 6]. Евреи неоднократно сталкивались с реквизициями, первые из которых проводили еще части вермахта. Позднее местная администрация составила списки изъятого солдатами еврейского имущества [10, л. 1]. Также учитывалось имущество отдельных евреев, проживающих вне гетто [11, л. 1–10].

Интересно, что в Браславе, в отличие от сопредельных регионов, выживание в гетто зависело от их ценности для оккупантов. В первый год оккупации немецкая администрация констатировала, что ряд рабочих, ремесленных специальностей укомплектованы в значительной мере евреями. Нехватка специалистов из числа белорусов и поляков вынуждала местную вспомогательную администрацию использовать евреев. Например, еврейские специалисты работали в аптеках Браславского района, получая, как и в других местах, половину оклада христианского населения [12, л. 11].

Естественно, что их быстрая ликвидация создала бы серьезные кадровые проблемы, поэтому решение «еврейского вопроса» в Генеральном округе Беларусь проводилось постепенно, с учетом потребности экономики. Специалисты-евреи были заняты на многих предприятиях г. Браслава и района: маслозавод, пищевой кооператив «Гаспардар», отделы районной управы [13, л. 1–9, 13, 14].

Еврейские рабочие не могли отдаляться более чем на 3 км. от места своей работы [13, л. 21]. Еврейское население получало паек в размере 50 % продуктового пайка белорусов–125 гр. хлеба в сутки [8, л. 31]. Учитывая мизерные нормы выполнять тяжелые работы было невозможно. Это понимали и руководители предприятий, и местная администрация, поэтому еврейским специалистам, занятым на тяжелых работах, выдавались повышенные нормы хлеба, причем этот процесс носил массовый характер, практически все еврейские рабочие классифицировались как тяжело работающие [13, л. 26; 49, л. 3].

Массовое перемещение евреев в гетто еще более усугубило проблему обеспечения местной экономики специалистами: предприятия либо лишились их вовсе, либо тратилось время на доставку рабочих из гетто. В этой связи Глубокский гебитскомиссар разрешил вернуть из гетто в ряд волостей необходимых специалистов-евреев и членов их семей. Например, в местечке Миоры вне гетто смогли проживать зубной врач, его жена-

санитарка и помощница врача, в местечке Леонполь – 9 ремесленников 4 портных, швея, сапожник, часовой мастер, маляр, чесальщик шерсти) и 36 членов их семей и т.д. [14, л. 1–11], однако благосклонность местной администрации была только временной и все они были уничтожены.

После помещения большинства евреев в гетто заинтересованные в конкретных еврейских специалистах учреждения и организации обращались с заявками к начальнику жандармерии в Браславе с просьбой предоставить им на определенный срок необходимое количество работников. Например, 14.05.1942 г. общий отдел Браславской районной управы просил начальника жандармерии предоставить на завтра 8 евреек для мытья полов в помещении управы. В апреле 1942 г. управа просила выдать пропуск еврею Шломе Ц, работающего санитаром в ветеринарной клинике г. Браслава [5, л. 18,19].

Что касается отношения нееврейского населения Браславщины к евреям, то в основном оно было сочувственным. За укрывательство евреев полагался расстрел. Например, 22.02.1943 г. полиция из Опсовского гарнизона уничтожила 28 чел.–женщин, стариков и детей из дер. Лабецкие за то, что жители по очереди укрывали у себя еврея. От кары не спасло и то, что крестьяне деревни выполнили обязательные поставки продуктов (в день трагедии мужчины повезли продукты в г. Браслав и случайно уцелели) [6, с. 302–303]. Были и другие многочисленные случаи, когда белорусы, поляки давали пищу и кров евреям, спасшимся от казней нацистов. Однако были и случаи, когда некоторые жители Браславщины пытались воспользоваться трагедией евреев. За донос на еврея немцы платили 3 кг. соли, были и те, кто брал с евреев плату золотом за данное убежище [6, с. 386–388].

Несомненно, история холокоста является одной из самых ангажированных тем в современной истории, особенно постсоветских стран. При этом авторы исследований очень часто ограничиваются только рамками собственной страны, что значительно сужает возможности для комплексного исследования трагедии европейского исследования. Тем более, что во время оккупации административно-территориальное деление не всегда совпадало с современным, да и граница, в сознании жителей приграничных территорий, являлась чем-то иррациональным, и ради спасения от верной смерти в Даугавпилском гетто, многие выбрали бегство на Браславщину ради спасения, где широкомасштабные акции по окончательному решению еврейского вопроса действительно начались позднее, чем на территории Латгалии.

1. Архив Центра устной истории Даугавпилсского университета, Вера Селявина, дело 194.
2. Карель, П. Восточный фронт. Книга первая. Гитлер идет на восток. 1941–1943 / П. Карель. – М.: Изографус, ЭКСМО, 2003.
3. Шпунгин, С. До и после побега. Воспоминания узника Даугавпилсского гетто / С. Шпунгин // <http://www.lu.lv/materiali/studiju-centri/jsc/resursi/423-440.pdf>

4. Сообщение Фридманис об арестах и расстрелах в г. Даугавпилс после прихода немецких оккупантов и о действиях в партизанской бригаде. Латвийский государственный исторический архив, ф.302, оп.5, д.17.
5. Государственный архив Витебской области, ф.2848, оп.1, д.10
6. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Браслаўскага раёна. – Мінск, 1998.
7. Государственный архив Витебской области, ф.2848, оп.1, д.85
8. Государственный архив Витебской области, ф.2848, оп.1, д.7
9. 2848, опись 1, дело 237
10. Государственный архив Витебской области, ф.2848, оп.2, д.6
11. Государственный архив Витебской области, ф.2848, оп.2, д.5
12. Государственный архив Витебской области, ф.2848, оп.1, д.245
13. Государственный архив Витебской области, ф.2848, оп.1, д.8
14. Государственный архив Витебской области, ф.2848, оп.1, д.46

Бездзель В.Я.

ПРЫМУСОВАЯ ДЗІЦЯЧАЯ ПРАЦА НА ТЭРЫТОРЫІ ТЫЛАВОГА РАЁНА ГРУПЫ АРМІЙ “ЦЭНТР”

Сферай, у якой германскія ўлады адразу прынялі шэраг мер, сталі працоўныя адносіны. Паколькі адной з мэт нацысцкай палітыкі было выкарыстанне працы мясцовага насельніцтва на патрэбы нямецкай арміі, то ў верасні 1941 г. была ўведзена працоўная павіннасць для асоб ад 18 да 45 гадоў. У розных рэгіёнах Беларусі працоўную павіннасць выконвалі, пачынаючы нават з 12 гадоў, што пацвярджаецца архіўнымі дакументамі. У дачыненні да дзяцей-фольксдойчэ дзейнічаў Нацыянальны дэкрэт аб працы, у якім “дзіцячая праца ў перыяд вайны забаранялася законам” [1, арк. 122]. Дзяцей і падлеткаў жа на захопленых усходніх тэрыторыях выкарыстоўвалі як на прымусовых работах у межах рэспублікі, так і вывазілі ў Германію. Палітыка ў гэтай сферы на тэрыторыі тылавога раёна групы армій “Цэнтр”, куды ўваходзіла і тэрыторыя Віцебшчыны, прайшла некалькі этапаў, на кожным з якіх меліся свае асаблівасці.

Пасля захопу тэрыторыі Беларусі і ў першай палове 1942 г. асноўныя рабочыя кантынгент складалі працаздольныя, кваліфікаваныя мужчыны і ваеннапалонныя. Нацысты выкарыстоўвалі дзяцей і падлеткаў у якасці дадатковай працоўнай сілы па расчыстках ад руінаў, снежных заносаў і рамонце дарог пад кантролем нямецкіх ваенных, а таксама на работах па размініраванні, збору невыбухнуўшых снарадаў і іншых, небяспечных для жыцця. За невыкананне такіх распараджэнняў, непадпарадкаванне заяўлялася, што “каждый сурово и беспощадно будет наказан” [2, арк. 14 зв.]. Па прыблізных падліках акупацыйных улад узроставае група 10-19-цігадовых складала ва ўсходніх абласцях 25 %, у заходніх—17,1 % [3, с. 32]. Яна вызначалася нацыстамі як запас працоўнай, але некваліфікаванай сілы, якую без цяжкасцяў можна будзе выкарыстаць у будучым.